ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Ю. И. Семенов

О НЕКОТОРЫХ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМАХ ЭКОНОМИКИ ПЕРВОБЫТНОГО ОБЩЕСТВА *

Вокруг моей статьи «О специфике первобытных производственных (социально-экономических) отношений» [1] развернулась дискуссия, в ходе которой были высказаны различного рода взгляды. Среди опубликованных материалов самой большой является статья Д. В. Гурьева «О специфике производственных отношений первобытного общества (в связи с обсуждением концепции Ю. И. Семенова)» [2].

Д. В. Гурьев начинает с заявления, что «в обсуждаемой статье отчетливо прослеживается давняя тенденция Ю. И. Семенова анализировать прежде всего отношения распределения предметов потребления, их генезис и развитие, оставляя в стороне рассмотрение главного — возникновение и развитие процесса производства и отношений в нем его участников» (стр. 72). Такой подход он считает ошибочным. «Не случайно поэтому, — добавляет он, — и в этой статье фактически игнорируется процесс производства» (стр. 72).

Прежде всего не совсем понятно, что имеет в виду Д. В. Гурьев, говоря об отношениях участников производства. Если он подразумевает производственные отношения, то как можно противопоставлять их исследование анализу отношений распределения? Ведь, как хорошо известно, отношения распределения относятся к производственным отношениям. И, кстати сказать, в моей статье рассматриваются не только отношения распределения, но вся вообще система первобытных производственных отношений в целом, хотя отношениям распределения уделяется особое внимание. Что же касается возникновения и развития процесса производства, то оно в статье действительно не рассматривается, но только не в силу, а скорее вопреки «давней тенденции». Ведь возникновению и развитию процесса производства была целиком посвящена моя работа «Возникновение и основные этапы развития труда» [3] и четыре главы (стр. 115—141) монографии «Как возникло человечество» (М., 1966). Считая, что этот вопрос был мною в свое время детально рассмотрен, в данной статье я остановился лишь на социально-экономических отношениях первобытного общества. Это достаточно четко выражено в ее названии. Статья целиком посвящена проблемам этноэкономии, т. е. политической экономии первобытного общества. А как известно, предмет политэкономии «вовсе не „производство материальных ценностей", как

---

* Учитывая важность предмета дискуссии и наличие ряда дискуссионных положений в концепции Ю. И. Семенова, редакция предполагает продолжить обсуждение этой проблемы (*Ред.*).

[1] «Сов. этнография», 1976, № 4. В дальнейшем все ссылки на данную статью даются в тексте.

[2] «Сов. этнография», 1977, № 1. В дальнейшем все ссылки на статью Д. В. Гурьева даются в тексте.

[3] «Уч. зап. Красноярского гос. пед. ин-та», т. 4. 1956, с. 115—224.

часто говорят (это — предмет технологии), а общественные отношения людей по производству»[4].

Говоря об общей порочности моего подхода к анализу первобытной экономики, Д. В. Гурьев далее делает вывод, что именно он и обусловил такое, с его точки зрения, печальное обстоятельство, что «центральное место в статье занимает не анализ самих производственных отношений первобытности, а специфика их связи с надстроечными отношениями, в которой Ю. И. Семенов и видит главное отличие первобытного производства от капиталистического» (стр. 74). Последний упрек Д. В. Гурьев повторяет неоднократно. «Главное отличие производственных отношений первобытности от производственных отношений в буржуазном обществе, — пишет он в другом месте (стр. 73, 74), — Ю. И. Семенов усматривает поэтому не в том, что первые являются отношениями коллективизма, взаимопомощи, а вторые — отношениями эксплуатации, а в отсутствии или наличии вещных товарно-денежных отношений распределения и соответствующих им меркантильных интересов (последние оказываются одинаковыми и у капиталистов и у рабочих)» (стр. 73, 74).

Не будем уделять много внимания попытке Д. В. Гурьева приписать мне положение об общности интересов капиталистов и рабочих. Это, по-видимому, сделано в пылу полемики и в достаточной степени опровергается содержанием статьи. «Людям, лишенным средств производства,— говорится в ней, — не остается ничего другого, как продавать рабочую силу собственникам средств производства... Капиталиста же эти производственные отношения заставляют стремиться к прибавочной стоимости» (стр. 102).

Но не более основателен, на наш взгляд, и основной упрек. В статье действительно рассматривается в основном лишь проблема специфики взаимосвязи социально-экономических и прочих общественных отношений в первобытном обществе. Но рассматривается она не в силу особой моей приверженности к тому или иному подходу при анализе первобытной экономики, а просто потому, что такая проблема существует. Каждому, кто хотя бы немного знаком с современным состоянием этноэкономии, бросается в глаза, что без решения этой проблемы невозможно дальнейшее движение вперед в этой области. Это в достаточной степени обстоятельно показано в моей статье (стр. 94—98). И вполне понятно, что концентрация внимания на решении той или иной реальной научной проблемы не таит в себе ничего порочного. Иное дело — предлагаемое решение проблемы. Оно может быть как верным, так и ошибочным.

Так как статья посвящена одной определенной проблеме, что нашло отражение и в ее заглавии, то вполне понятно, что все остальные вопросы, относящиеся как к первобытной, так и к капиталистической экономике, рассматриваются в ней лишь постольку, поскольку это необходимо для решения основной проблемы. Для каждого марксиста очевидно, что главное различие между первобытными и капиталистическими производственными отношениями состоит в том, что первые являются коллективистическими, а вторые — отношениями эксплуатации. Я и исходил в статье из этого положения как само собой разумеющегося, не считая нужным его специально доказывать. В соответствии с поставленной задачей я остановился лишь несколько подробнее на обосновании коллективистического характера первобытных производственных отношений (стр. 103, 107—109).

Не сумев разобраться в том, какая именно проблема рассматривается в моей статье, Д. В. Гурьев не смог, на мой взгляд, понять и предложенного в ней решения этой проблемы. И, хотя он написал много, его позиция по важнейшим вопросам, обсуждаемым в моей статье, остается не

---

[4] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 2, с. 195.

ясной. Я утверждаю, что в любом обществе производственные отношения существуют, только проявляясь в волевых. Непонятно, согласен ли с этим Д. В. Гурьев. А между тем это коренной вопрос. Я подразделяю волевые отношения между людьми на такие, которые имеют экономическую функцию (я их назвал имущественными), и такие, которые ее не имеют, и как на характерную особенность имущественных отношений при капитализме указываю на наличие у них одной лишь экономической функции. Такая специфика связана с тем, что здесь имущественные отношения определяются производственными отношениями прямо, непосредственно.

Не разбирая моей аргументации, Д. В. Гурьев просто заявляет, что «центральная идея статьи Ю. И. Семенова о существовании особых надстроечных отношений и действий с экономической функцией не полностью адекватна марксистско-ленинскому учению о сущности общественного производства, соотношении его с надстройкой...» (стр. 77, 78). И еще: «В целом имущественные отношения людей, по Ю. И. Семенову, представляют собой нечто вроде гибрида экономического, объективного содержания и субъективной формы с приматом последней. Такое понимание отнюдь не случайно. Оно продолжает известную идею о первобытном стаде как промежуточном гибридном состоянии между стадом предлюдей и родовой коммуной» (стр. 73).

Прежде всего следует сказать, что волевые отношения людей с экономической функцией существуют не только в качестве идеи в моей статье, но и в реальной действительности. Можно спорить о том, насколько удачен предложенный термин «имущественные отношения», но их бытие — неоспоримый факт. Любой, например, акт товарообмена является волевым отношением и выполняет экономическую функцию, имеет экономическое содержание. Об этом достаточно ясно говорит К. Маркс: «Это юридическое отношение, формой которого является договор, — писал он, характеризуя акт товарообмена, — все равно, закреплен он законом или нет, — есть волевое отношение, в котором отражается экономическое отношение. Содержание этого юридического, или волевого, отношения дано самим экономическим отношением» [5].

Как видно из сказанного, не существует никакой связи между характеристикой волевого отношения с экономической функцией как субъективного по форме и объективного по содержанию и концепцией первобытного человеческого стада. К. Маркс, как известно, ничего о первобытном стаде не говорил, что отнюдь не мешало ему писать о наличии у волевого отношения экономического содержания. Что же касается утверждения Д. В. Гурьева о том, что я отстаиваю тезис о примате субъективной формы над объективным, экономическим содержанием, то оно совершенно не обосновано. В статье отстаивается прямо противоположная точка зрения (см. стр. 98—101).

Таким образом, существование волевых отношений с экономической функцией является не проблемой, а фактом. Проблемой является их соотношение с производственными, социально-экономическими связями. Точка зрения, подробно изложенная в моей статье, состоит в том, что производственные отношения, качественно отличаясь от волевых отношений с экономической функцией (т. е. имущественных), в то же время существуют, только проявляясь в последних. Как отмечается в статье, «отношение первых и вторых в какой-то степени есть отношение общего и отдельного» (стр. 100). Как известно, общее, отличаясь от отдельного, являясь противоположностью отдельного, в то же время существует только в отдельном и через отдельное [6].

Все сказанное Д. В. Гурьевым по этому вопросу недостаточно ясно. Например, его взгляды на соотношение общего и отдельного. С одной

[5] *К. Маркс и Ф. Энгольс.* Соч., т. 23, с. 94.
[6] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 29, с. 318.

стороны, он пишет, ссылаясь на «Философские тетради» В. И. Ленина, что «для нас очень важна мысль В. И. Ленина о том, что общее определяет природу отдельного» (стр. 76). Заметим сразу же, что не только на указанной странице «Философских тетрадей», но вообще ни в одном из произведений В. И. Ленина ничего похожего на данное положение не содержится. Эта мысль принадлежит объективному идеалисту Платону. С другой же стороны, Д. В. Гурьев характеризует «общее» как «следствие и дополнение отдельного» (стр. 76), что также ошибочно.

Но вот от общего Д. В. Гурьев переходит к более конкретному. «В свете всего сказанного,— пишет он,— становится ясной еще одна методологическая неточность Ю. И. Семенова: отрыв общего и отдельного и противопоставление их друг другу, что находит свое выражение в исключении из общественного производства актов производственного поведения людей и включении их в чуждую им область надстройки» (стр. 76). Первое утверждение находится в столь разительном противоречии с тем, что сказано в моей статье, что не заслуживает опровержения. На втором стоит задержаться, тем более, что подобного рода обвинение повторяется Д. В. Гурьевым и в другом месте. «Нетрудно заметить, — пишет он (стр. 77), — что центральная идея статьи с ее включением актов производственной деятельности людей в надстройку не вполне соответствует основным положениям марксистско-ленинского положения о базисе и надстройке...».

Но ничего подобного в моей статье нет. Я не включал и не мог включить «акты производственной деятельности людей» в надстройку, так же как не включал и не мог включить их в базис. Все дело в том, что, вопреки мнению Д. В. Гурьева, базис общества не включает в себя производственную деятельность людей. Согласно материалистическому пониманию истории, базис общества образует не общественное производство в целом, как полагает Д. В. Гурьев, а систему материальных производственных *отношений* [7]. Соответственно и надстройку общества образуют не политические, правовые и прочие подобные *действия* людей, а политические, правовые, религиозные *взгляды* людей и соответствующие им *отношения*, которые в отличие от производственных являются не материальными, а идеологическими.

Исторический материализм делит, таким образом, на базисные и надстроечные не акты человеческой деятельности, а общественные отношения людей. Понятия базиса и надстройки к характеристике человеческой деятельности неприменимы. И в соответствии с этим в статье я характеризовал как базисные и надстроечные только отношения, но не действия людей. Конечно, любое человеческое действие есть одновременно и волевое отношение. Но отсюда отнюдь не вытекает вывод о полном тождестве действий и отношений. Не всякое, например, отношение даже между людьми является одновременно и действием, хотя оно всегда проявляется в действиях. Поэтому и классификация человеческих действий далеко не совпадает с классификацией человеческих отношений.

Как уже указывалось, только отношения людей, но не их действия делятся на базисные и надстроечные. Но это отнюдь не значит, что *все* отношения людей относятся либо к той, либо к другой категории. На базисные и надстроечные делятся только отношения между людьми, да и то не все. Но, кроме отношений между людьми, существуют и отношения людей к природе. И последние не относятся ни к базисным, ни к надстроечным. Таким образом, даже если бы Д. В. Гурьев, обвиняя меня во включении «актов производственной деятельности» в надстройку, имел в виду не собственно действия, а волевые отношения, то и в таком случае он был бы неправ. Волевые отношения к природе я в надстроечные не включаю.

---

[7] *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 13, с. 6, 7; *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 1, с. 134, 148, 149, 429, 532; т. 12, с. 259; т. 23, с. 44, 45.

Под волевыми отношениями с экономической функцией (т. е. имущественными) я понимаю только определенные связи между людьми. В классовом обществе, в частности буржуазном, эти связи одновременно являются и правовыми. А, как хорошо известно, правовые отношения в марксистской литературе всегда относились к надстроечным. И вполне понятно, что характеристика этих отношений как надстроечных не имеет ничего общего с приписываемым мне Д. В. Гурьевым включением производства в чуждую ему сферу надстройки.

Наряду с подобного рода обвинением Д. В. Гурьев упрекает меня в «субъективизации производственной деятельности» (стр. 80). При этом непонятно, что он, собственно, имеет в виду. Моя статья не дает основания сомневаться в том, что производственная деятельность происходит, по моему мнению, не в сознании людей, а в реальной действительности. Я специально подчеркиваю, что в производственной деятельности проявляются материальные производственные отношения (стр. 99). Остается единственное — я считаю, что производственная деятельность является сознательной, волевой, причем не в меньшей степени, чем политическая и т. п. Но это непреложный факт. Правда, такой факт по понятным причинам не может принять Д. В. Гурьев. Ведь производственную деятельность он включает в базис общества, а, согласно материалистическому пониманию истории, базис не зависит от воли и сознания людей.

В моей статье указывается, что при капитализме волевые отношения с экономической функцией (имущественные) отличаются от волевых отношений без экономической функции не только по содержанию, но и по способу детерминации. Первые определяются производственными отношениями прямо, непосредственно, а вторые — через посредствующие звенья. Принимая за надстроечные только вторые, Д. В. Гурьев обвиняет меня в фактическом отрицании «непосредственной определяющей роли базиса по отношению к тому, что принято именовать надстройкой» (стр. 77). И это обвинение он повторяет в другом месте (стр. 79). По существу он приписывает мне мысль о существовании каких-то особых, промежуточных между базисными и надстроечными явлений, через посредство которых базис воздействует на надстройку.

Говоря о звеньях, через посредство которых производственные связи определяют волевые отношения без экономических функций, я тут же поясняю, что речь идет о праве, морали и тому подобных явлениях (стр. 103). Но, как хорошо известно, и мораль и право относятся к надстройке. И эти надстроечные явления, согласно моей точке зрения, прямо, непосредственно детерминируются базисом. Таким образом, я ни в малейшей степени не отрицаю, что базис прямо, непосредственно определяет надстройку. Другое дело, что отдельные надстроечные явления детерминируются базисом не прямо, а через посредство других надстроечных явлений. Об этом, как известно, неоднократно писал Ф. Энгельс[8].

Но Д. В. Гурьев не ограничивается общим обвинением в отрыве надстройки от базиса. Он идет и дальше. «Конкретным и притом весьма четким выражением указанных недостатков,— пишет он,— является понимание Ю. И. Семеновым права и политики. Отождествление правовых отношений с имущественными, экономическими фактически приводит к ликвидации главного в них — их классового характера...» (стр. 77). Обращаясь к данному месту статьи Д. В. Гурьева, отметим, прежде всего, что под имущественными отношениями я понимаю волевые отношения с экономической функцией, а вовсе не экономические, производственные отношения, как утверждает автор. Кстати сказать, на предшествующих страницах он прямо признавал, что имущественные отношения, как я их понимаю, не есть производственные (стр. 73). Здесь он об этом не упоминает. Не принял он во внимание и то, что характеристика волевых отно-

[8] *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 21, с. 312; т. 37, с. 419, 420.

шений с экономической функцией как правовых вовсе не равнозначна утверждению, что все правовые отношения есть волевые отношения с экономической функцией. Существование самых разнообразных правовых отношений есть факт, который никто не собирается отрицать. Но вот что совершенно понять нельзя: каким образом из характеристики волевых отношений с экономической функцией как правовых вытекает отрицание классового характера права. Д. В. Гурьев это никак не объясняет. Нельзя не вспомнить, что К. Маркс, как явствует из приведенного выше его высказывания, характеризовал волевые отношения, имеющие экономическое содержание, как правовые, юридические. Может быть, он тоже отрицал классовый характер права? И наконец, неужели Д. В. Гурьев не заметил содержащегося в моей статье совершенно недвусмысленного утверждения о том, что «в классовом обществе право есть воля господствующего класса, возведенная в закон» (стр. 106).

И совсем непонятно, когда Д. В. Гурьев обрушивается на содержащиеся в моей статье (стр. 105) положение о том, что «капиталистическая экономика, взятая сама по себе, не только не нуждается, но, наоборот, исключает внеэкономическое принуждение». «Наоборот,— пишет мой оппонент,— классики марксизма-ленинизма всегда подчеркивали активную роль права и надстройки вообще по отношению к производству доказывали, что без внеэкономического, по своей природе политического, правового, религиозного и пр. принуждения капиталист не может осуществлять эксплуатацию, получать прибавочную стоимость» (стр. 77). Здесь смешаны разные вещи. Бесспорно, капиталистический способ производства нуждается для своего существования в государстве и праве и что надстройка при капитализме воздействует на базис. Но все это ни в малейшей степени не отменяет того несомненного факта, что капиталистическое производство в отличие от рабовладельческого и феодального не нуждается во внеэкономическом принуждении. Пролетария заставляют работать на капиталиста не государство и закон, а экономическая необходимость. Об этом писали не только классики марксизма. Нет ни одного учебного пособия по политэкономии и философии, где бы эта азбучная истина не разъяснялась.

В полном соответствии со всеми приведенными выше общими рассуждениями Д. В. Гурьев строит свою критику предлагаемого мною решения проблемы взаимосвязи социально-экономических и прочих общественных отношений в первобытном обществе. «Субъективизация производственной деятельности людей вместе с преувеличением роли морали в жизни первобытных индивидов вынудили Ю. И. Семенова присоединиться к мнению буржуазных ученых о том, что „имущественные отношения в первобытном обществе непосредственно определяются моралью" (стр. 106), а не производственными отношениями (там же)» (стр. 79).

Прежде всего мнение буржуазных ученых состоит вовсе не в том, что имущественные отношения непосредственно определяются не производственными отношениями, а моралью. Одни из них считают, что в первобытном обществе экономических отношений вообще не существует, а их функцию выполняют моральные. Другие, признавая существование экономических отношений, рассматривают их как производные от моральных. Таким образом, все они рассматривают моральные отношения как первичные и соответственно не допускают мысли о существовании в первобытном обществе объективных, материальных производственных отношений. Об этом достаточно четко сказано в моей статье. «Суть взглядов всех субстантивистов,— писал я,— заключается в том, что все отношения в первобытном обществе являются волевыми, производными от сознания» (стр. 106).

Моя точка зрения диаметрально противоположна. «Производственные отношения первобытного общества,— говорится в статье (стр. 109),— как и социально-экономические отношения капиталистического

общества, были объективными, материальными». И будучи материальными, объективными, они определяли волю и сознание людей и соответственно все прочие их отношения. Но специфика их состояла в том, что они определяли волю людей, даже в чисто экономической сфере, не говоря уже об остальных, не прямо, а через посредство морали. Мораль, таким образом, выступает у меня не как первичное, а как вторичное, производное, как фактор, через посредство которого материальные производственные отношения определяют поведение людей и тем самым все их волевые отношения, включая и волевые отношения с экономической функцией, т. е. имущественные (стр. 109, 110).

Критикуя мою точку зрения, Д. В. Гурьев пишет, что «отрицание прямой детерминирующей роли общественного производства по отношению к надстройке применительно к первобытному обществу является, на наш взгляд, уступкой буржуазным ученым в этом важном теоретическом вопросе» (стр. 79). Не будем задерживаться на том, что базисом общества является не общественное производство в целом, как это считает Д. В. Гурьев, а система материальных производственных отношений. Но о каком отрицании прямой детерминирующей роли базиса по отношению к надстройке может идти речь, когда, согласно моей точке зрения, социально-экономические отношения прямо, непосредственно определяют мораль, которая, как известно, является неотъемлемой частью надстройки.

Кстати сказать, тот факт, что экономическое поведение людей в первобытном обществе непосредственно определяется моралью, столь неоспорим, что его в какой-то степени вынужден признать и Д. В. Гурьев. Он, например, пишет о том, что влияние моральных связей «на акты производственного поведения первобытных людей было очень большим» (стр. 79). Однако тут же настаивает, что производственные отношения первобытного общества детерминировали волю людей и прямо, непосредственно. Но никаких доказательств в пользу этого положения он не приводит. Читатель остается в полном неведении относительно того, каким же был механизм прямого определения воли отдельных людей производственными отношениями первобытного общества.

На наш взгляд, Д. В. Гурьев не смог внести ясность и в вопрос о производственных отношениях вообще, производственных отношениях первобытности в частности. «Хорошо известно,— пишет он, обращаясь к социально-экономическим отношениям,— что К. Маркс выделял четыре вида производственных отношений: в процессе производства, обмена распределения и потребления» (стр. 74). Однако на тех страницах работы К. Маркса, на которые ссылается автор, ни слова не говорится о четырех видах производственных отношений. Речь там идет о производстве, распределении, обмене и потреблении как неразрывно связанных частях, моментах производства в широком смысле слова [9]. О потреблении как моменте производства К. Маркс писал неоднократно. Но об отношениях потребления как особом виде производственных отношений в его работах нет ни единой строчки. И понятно почему — таких отношений не существует. И недаром сам Д. В. Гурьев об этих отношениях ничего сказать не может. Иное дело отношения собственно производства, отношения распределения и отношения обмена. К. Маркс их действительно выделял.

Упрекая меня в преувеличении значения отношений распределения, Д. В. Гурьев не раз повторяет, что основное внимание исследования должно быть сконцентрировано на анализе «основного производственного отношения», «главного производственного отношения» (стр. 78, 80 и др.). Но, на наш взгляд, понять, что собой представляет это «главное производственное отношение», из статьи Д. В. Гурьева совершенно невозможно. Мы узнаем лишь, что основное производственное отношение вообще

[9] *К. Маркс и Ф. Энгельс*, Соч., т. 46, ч. 1, с. 36.

есть отношение «в непосредственном процессе производства» (стр. 75, 80), а главным производственным отношением первобытного общества являются «отношения сотрудничества и взаимопомощи» (стр. 75).

Определение социально-экономических отношений первобытного общества как связей сотрудничества и взаимопомощи широко распространено в литературе. Но во всех трудах оно выступает как самая общая характеристика первобытных производственных отношений в целом. Что же представляют собой отношения сотрудничества и взаимопомощи, когда они понимаются пусть как самая важная, но тем не менее лишь как часть системы первобытных социально-экономических отношений? Об этом можно только догадываться.

Мало что дают для понимания взглядов Д. В. Гурьева на основное производственное отношение и рассуждения о первобытной кооперации. А последнему понятию он придает огромное значение. Ведь «именно кооперативный характер производства в масштабах всего коллектива» определяет, по мнению Д. В. Гурьева, и коллективный характер собственности, и отношения взаимопомощи (стр. 78). Одновременно он упрекает меня в отрицании не только кооперативного, но вообще общественного характера первобытного производства. «Прежде всего,— пишет он,— вызывает возражение общая характеристика Ю. И. Семеновым первобытного производства как совокупности разрозненных индивидуальных действий его участников. Как явствует из статьи, совокупный продукт создается каждым индивидом в одиночку, ибо он прекрасно различал продукт «добытый им», от продукта, «добытого ими», т. е. другими членами коллектива» (стр. 78). При этом, кроме обсуждаемой статьи, Д. В. Гурьев ссылается на мою работу «Проблема начального этапа первобытного общества»[10]. Сразу же следует подчеркнуть, что ни в одной из названных работ ничего похожего на приписываемую мне «общую характеристику первобытного производства» не содержится. И разумеется, я нигде и никогда не утверждал, что в первобытном обществе каждый человек создавал свой продукт в одиночку. Существование кооперации в первобытном обществе — несомненный факт, который я нигде и никогда не ставил под сомнение.

Однако необходимо четко представить себе, что мы имеем в виду, когда говорим о кооперации. Термин «кооперация» и соответственно производные от него имеют не одно, а несколько значений. Я буду исходить прежде всего из того смысла, который вкладывал в него К. Маркс в главе XI первого тома «Капитала». Это тем более необходимо, что сам Д. В. Гурьев в работе «Становление материального производства» неоднократно заверяет, что он использует термин «кооперация» лишь в том смысле, в котором определяет его К. Маркс в данной главе названного труда[11].

К. Маркс определяет кооперацию как такую форму труда, при которой много лиц планомерно работают рядом, во взаимодействии друг с другом в одном и том же процессе производства, или в разных, но связанных между собой процессах производства[12]. Так как кооперация предполагает непосредственное сотрудничество работников, то естественно, что она возможна лишь тогда, когда они находятся вместе, сосредоточены в определенном пункте[13].

Нетрудно понять, что кооперация есть определенное отношение между работниками в непосредственном процессе производства, и в этом смысле она может быть названа производственным отношением. Но она не принадлежит к числу тех отношений, которые именуются производственными в историческом материализме и политической экономии и кото-

---

[10] «Проблемы истории докапиталистических обществ», т. I, М., 1968.
[11] *Д. В. Гурьев.* Становление общественного производства. М., 1973, с. 170.
[12] *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 23, с. 337.
[13] Там же, с. 341.

рые образуют базис общества, общественное бытие. Последние являются отношениями собственности, социально-экономическими, общественными, производственными. А кооперация есть технико-производственное, организационно-трудовое отношение. И собственно это организационно-трудовое отношение и имел в виду Д. В. Гурьев, когда писал «о сотрудничестве и взаимопомощи» непосредственно в производстве.

Будучи организационно-трудовым отношением, кооперация не связана жестко с определенными социально-экономическими отношениями. Как хорошо известно, кооперация существовала не только в первобытном и социалистическом обществах, но и в рабовладельческом, феодальном и буржуазном. Таким образом, наличие кооперации вовсе не предполагает необходимость существования в обществе коллективистических отношений. Коллективизм и кооперация отнюдь не одно и то же. С одной стороны, возможна кооперация без коллективизма, а с другой — коллективизм не предполагает с необходимостью кооперации труда всех членов коллектива.

Кооперация труда существовала в первобытном обществе. Но объединенный совместный труд всех работоспособных членов коллектива был редким, спорадическим явлением, никогда не игравшим существенной роли. Чаще всего совместно действовало лишь то или иное число членов коллектива. Охота, например, в большинстве случаев была чисто мужским делом, причем совершенно не обязательно все мужчины коллектива должны были охотиться совместно. Они часто разбивались на несколько групп, каждая из которых действовала самостоятельно. Даже при совместной охоте каждый ее участник нередко знал, что добыл он сам, а что его товарищи. Но люди в первобытном обществе могли охотиться и охотились и в одиночку. Что же касается орудий труда и вообще вещей, то они чаще всего изготовлялись самостоятельно тем или иным членом коллектива. Все сказанное выше легко подтвердить ссылками на этнографическую литературу. Все это не концепция Ю. И. Семенова, но факты. И тот факт, что труд по изготовлению орудий носил в первобытном обществе индивидуальный характер, не отрицает и Д. В. Гурьев. Он лишь упрекает меня в том, что я абсолютизирую «индивидуальный характер изготовления орудий труда» (стр. 78).

Но о какой абсолютизации индивидуального характера труда в первобытном обществе может идти речь, когда во всех своих работах я подчеркиваю, что в этом обществе всякий труд, в том числе не только совместный, но и одиночный, всегда представлял собой непосредственно общественный труд. Он являлся непосредственно общественным, ибо совершался в рамках хозяйственного организма, в котором безраздельно господствовала общественная собственность, ибо весь без исключения продукт этого труда, в том числе и одиночного, являлся собственностью коллектива. И об этом достаточно четко было сказано в обсуждаемой статье. «... В этих условиях,— писал я, подводя итоги всему сказанному о первобытном производстве,— и труд членов коллектива носил непосредственно общественный характер, совершенно независимо от того, трудились ли члены коллектива совместно или в одиночку» (стр. 108).

Таким образом, необходимо строго отличать социально-экономический аспект труда от организационного. В социально-экономическом отношении весь труд в первобытном обществе был непосредственно общественным и в этом смысле коллективным, совместным. Он был коллективным, ибо был трудом на коллектив. Но в организационном отношении труд в первобытном обществе не был, как правило, совместным трудом всего коллектива в целом. А термин «кооперация» в том смысле, в котором употреблял его К. Маркс на указанных страницах «Капитала», относится только к организационному, но не социально-экономическому аспекту труда. Поэтому можно и должно говорить о существовании кооперации в первобытном обществе. Но характеризовать первобыт-

ное производство в целом как кооперативное в указанном смысле этого слова нельзя.

И если Д. В. Гурьев говорит о том, что первобытное производство в целом есть кооперация, то он вкладывает в указанный термин иной смысл, чем тот, который вкладывал в него К. Маркс в упоминаемой выше главе «Капитала». И в соответствии с такой трактовкой видит кооперативный характер первобытного производства в том, что последнее представляет собой «неразрывное единство взаимодополняющих друг друга отраслей производства — изготовления средств труда, охоты, собирательства, позднее скотоводства, земледелия и др., а следовательно, единство групп производственного коллектива, распределяющихся по этим отраслям, работам в соответствии со своими возрастными, половыми и другими данными» (стр. 78).

Картина первобытного производства, нарисованная Д. В. Гурьевым, имеет, на мой взгляд, мало общего с действительностью. Бесспорно, что в первобытном обществе существовали различные виды хозяйственной деятельности, различные работы, которые были моментами единой производственной деятельности коллектива. Однако, вопреки утверждениям Д. В. Гурьева, первобытная община не была разделена на группы людей, каждая из которых была бы занята одним определенным видом деятельности. Она не состояла из групп охотников, собирателей, земледельцев, скотоводов. Не было в ней и группы производителей орудий труда, выделение которой Д. В. Гурьев ошибочно относит еще ко времени первобытного человеческого стада [14].

В первобытном обществе существовали разные виды деятельности, но не было отраслей производства. Единственной формой разделения труда внутри первобытного социального организма было разделение труда между полами. Но ни женщины, ни мужчины не представляли собой группы, которая занималась бы только одним определенным видом деятельности. В каждом первобытном организме несколькими видами деятельности занимались исключительно лишь мужчины, несколькими — только женщины и, наконец, несколькими — в равной степени как мужчины, так и женщины. Земледелие, заметим кстати, в подавляющем большинстве земледельческих первобытных обществ было делом как мужчин, так и женщин. Можно заметить также, что деление видов деятельности на мужские и женские не всегда было связано с «половыми данными». Виды труда, которые в одном первобытном обществе были исключительно лишь мужскими, в других могли быть исключительно лишь женскими.

Каждый взрослый член первобытного коллектива поочередно занимался разными видами труда. Мужчина, например, сам изготовлял орудия охоты и сам же ими пользовался. Конечно, можно попытаться охарактеризовать взаимоотношение между его деятельностью по изготовлению орудия охоты и его охотничьей деятельностью как кооперацию между двумя отраслями производства. Но в таком случае и термин «отрасль производства», и термин «кооперация» теряют всякий смысл.

Как утверждает Д. В. Гурьев, приведенный выше взгляд на первобытное производство полностью согласуется с «марксовой его трактовкой, согласно которой в первобытной кооперации (как и в семье) различные работы ее членов „являются общественными функциями в своей натуральной форме... так как индивидуальные рабочие силы с самого начала функционируют здесь как органы совокупной рабочей силы"» (стр. 78). Однако в данном случае мы имеем дело с натяжкой. К. Маркс в том месте его работы, на которое ссылается Д. В. Гурьев, во-первых, рассматривает характер отношений в патриархальной крестьянской семье, а не в первобытной общине, во-вторых, говорит о существовании

[14] *Д. В. Гурьев.* Указ. раб., с. 175.

внутри семейного хозяйства не разных отраслей, а разных работ, т. е. видов хозяйственной деятельности, в-третьих, не употребляет для обозначения отношений внутри семьи термина «кооперация». Имеющиеся в цитате слова «первобытная кооперация» принадлежат не К. Марксу, а самому Д. В. Гурьеву [15].

Следует отметить, что приведенные Д. В. Гурьевым слова К. Маркса о непосредственно общественном характере труда внутри семьи справедливы и по отношению к первобытной общине. Весь труд всех членов общины является непосредственно общественным, но не в силу существования в ней групп людей, занятых одним определенным видом деятельности, чего, кстати, не было и в крестьянской семье, а вследствие безраздельного господства в ней коллективной собственности.

Но как бы ни были противоречивы взгляды Д. В. Гурьева на «первобытную кооперацию», ясно, что сам он не считает ее «главным производственным отношением». В результате ничего конкретного об этом отношении из работы Д. В. Гурьева мы не узнаем. Категорически заявив, что основной порок моей статьи заключается в отсутствии в нем главного — характеристики производственных отношений первобытного общества в целом и прежде всего анализа основного производственного отношения и соответственно в концентрации внимания на отношениях распределения, Д. В. Гурьев в обсуждаемой работе твердо идет по столь сурово осужденному им порочному пути. Он нигде в своей обширной статье не дает ни анализа «главного производственного отношения», ни характеристики системы первобытных производственных отношений в целом. Он ни слова не говорит ни о существующих, по его мнению, в первобытном обществе отношениях потребления, ни об отношениях обмена. Единственные отношения, на которых он концентрирует внимание,— это отношения распределения. Им он уделяет в общей сложности две страницы (стр. 75, 79).

Нельзя не отметить, что взгляды Д. В. Гурьева на место отношений распределения среди производственных связей не отличаются последовательностью. С одной стороны, мы узнаем, что отношения распределения зависят от «основного производственного отношения», определяются последним (стр. 81), а с другой — что они составляют функциональную базу «процесса производства и его основного производственного отношения» (стр. 75).

Все сказанное Д. В. Гурьевым об отношениях распределения первобытного общества крайне абстрактно. Любимый его прием — бесконечное повторение слов «равнообязательный» и «равнообеспечивающий», причем чаще всего они употребляются, на наш взгляд, совсем не к месту.

Совершенно, например, непонятно, что имеет в виду автор, говоря о «равнообязательном характере отношений распределения» (стр. 81). Ненамного понятнее и характеристика распределения средств существования, как равнообязательного. Хотел ли сказать автор о том, что каждый член первобытной общины был обязан получать долю продукта независимо от желания, или же о том, что общество обязано было выделять долю каждому своему члену? В трудах о первобытности все сказано проще и яснее: каждый член первобытной общины имел право на долю созданного в ней продукта. Или вот еще фраза из статьи Д. В. Гурьева: «Распределение рабочей силы тоже являлось всеобщим, *равнообязательным* в том смысле, что все трудоспособные члены коллектива должны были выполнять те или иные работы, и *равнообеспечивающим* по отношению к последним. Оно было также и *неуравнительным* в плане учета индивидуальных, половых и возрастных особенностей рабочей силы» (стр. 81). По существу все это сводится к констатации той простой истины, что все члены первобытного коллектива должны были трудиться по

[15] *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 23, с. 88.

способностям и выполнять все те работы, которые в данный момент были нужны.

Тот факт, что Д. В. Гурьев в прямом противоречии со своими исходными установками, обращаясь к первобытным производственным отношениям, уделяет внимание исключительно лишь отношениям распределения, не является случайным. Отношения распределения занимают в системе первобытных производственных отношений не совсем то самое место, что в прочих системах производственных отношений. И на этом вопросе стоит остановиться.

Обычно при анализе системы производственных отношений, взятой вообще, в ней выделяют три основных момента: отношения к средствам производства, отношения распределения и отношения обмена. Отношения к средствам производства все авторы единодушно характеризуют как отношения собственности. С этим и связан взгляд некоторых исследователей на отношения собственности как на одну из разновидностей производственных отношений, существующую наряду с другими. В действительности все общественные производственные отношения являются отношениями собственности. Отношениями собственности являются и отношения распределения, и отношения обмена.

Но не только отношения распределения являются отношениями собственности. Как неоднократно указывал К. Маркс, отношения собственности на средства производства представляют собой не что иное, как отношения распределения средств производства. «Но это распределение, писал он,— совершенно отлично от того, что понимают под отношениями распределения, когда этим последним, в противоположность производственным отношениям, приписывают исторический характер. При этом имеют в виду различные права на долю продукта, предназначенную для индивидуального потребления. Напротив, эти отношения распределения являются основой особых общественных функций, выпадающих в пределах самого производственного отношения на долю определенных его агентов в противоположность непосредственным производителям. Они придают самим условиям производства и их представителям специфическое общественное качество. Они определяют весь характер и все движение производства» [16].

В любой системе антагонистических производственных связей отношения собственности на средства производства или, что то же самое, отношения распределения средств производства являются основными, ведущими. Они представляют собой главное производственное отношение, собственно производственное отношение. Именно поэтому, когда К. Маркс употреблял термин «производственные отношения» в узком, а не в широком смысле слова, он имел в виду одни лишь эти отношения.

Ведущий характер отношений распределения средств производства в системе антагонистических производственных отношений проявляется прежде всего в том, что они всецело определяют отношения по распределению продукта, созданного при помощи этих средств. В самом распределении продукта можно выделить две фазы. На первой фазе распределение продукта совпадает с процессом его производства. Ведь каждый продукт труда является всегда не только потребительной стоимостью, но и чьей-то собственностью. И процесс производства является поэтому всегда процессом создания вещи не только как потребительской стоимости, но и чьей-то собственности, т. е. процессом распределения.

И то, в качестве чьей собственности создается продукт, зависит от того, в чьей собственности находятся средства производства. В рабовладельческой латифундии продукт создается как собственность рабовладельца, на капиталистическом предприятии — как собственность капи-

---

[16] *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 25, ч. 2, с. 451.

талиста. И при рабстве, и при капитализме распределение вновь созданных средств производства на этом заканчивается. Иначе обстоит дело со средствами потребления. Часть их обязательно должна быть распределена и среди непосредственных производителей материальных благ. Это вторая фаза распределения. Здесь мы сталкиваемся с распределением в узком смысле слова. И характер этого собственно распределения тоже всецело определяется спецификой собственности на средства производства, важнейшим моментом которой является способ соединения рабочей силы со средствами производства. При рабстве производитель получает свою долю в форме корма, содержания, при капитализме — в форме заработной платы. Положение о том, что характер отношений распределения всецело определяется природой собственности на средства производства, верно и в применении к феодализму. Сложнее обстоит дело с неантагонистическими способами производства.

При коммунистическом способе производства (в широком смысле) средства производства являются собственностью общества. Соответственно весь продукт, включая и средства производства и средства потребления, создается как собственность общества. На этом распределение созданных средств производства завершается. Что же касается средств потребления, то они теперь должны быть распределены между отдельными членами общества. И характер распределения созданных в качестве общественной собственности средств потребления между членами общества определяется уже не общественным характером собственности на средства производства, а иным фактором. Если бы дело обстояло иначе, то в систему коммунистических производственных отношений всегда входили бы одни и те же отношения распределения. А между тем хорошо известно, что на первой фазе коммунизма существуют отношения распределения, отличные от тех, что характеризуют его вторую фазу. И еще Ф. Энгельс указал на тот фактор, которым обуславливается характер собственно распределения при наличии общественной собственности на средства производства. Этим фактором является количество продукта, производимого обществом. «Вот также в „Volks-Tribüne" происходила дискуссия о распределении продуктов в будущем обществе — будет ли оно происходить соответственно количеству труда или иначе,— писал Ф. Энгельс.— ...Но, как ни странно, никому не пришло в голову, что ведь способ распределения существенным образом зависит от того, *какое количество* продукта подлежит распределению, и что это количество, конечно, меняется в зависимости от прогресса производства и организации общества, а следовательно, должен меняться и способ распределения» [17]. Но объем продукта, производимого обществом, является показателем уровня развития его производительных сил.

Таким образом, при коммунистическом способе производства производительные силы определяют характер отношений распределения средств потребления несколько по-иному, чем при классических антагонистических способах производства. При рабстве, феодализме и капитализме производительные силы непосредственно определяют характер отношения распределения лишь средств производства, но не средств потребления. Природа отношения распределения средств потребления определяется производительными силами лишь опосредствованно — через характер отношения распределения средств производства. При коммунизме (в широком смысле) производительные силы определяют характер отношения распределения средств потребления двояким способом. С одной стороны, они определяют его опосредствованно — через детерминацию природы отношений распределения средств производства. Порожденная определенным уровнем развития производительных сил,

---

[17] *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 37, с. 370.

общественная собственность на средства производства делает весь созданный продукт собственностью общества. С другой стороны, уровень развития производительных сил определяет характер отношений распределения средств потребления прямо, непосредственно. Непосредственно от уровня их развития зависит, будут ли эти связи отношениями распределения по труду или отношениями распределения по потребностям.

Еще сложнее обстоит дело с первобытнообщинным способом производства. Можно считать совершенно твердо установленным, что на первой фазе эволюции этого способа основное средство потребления — пища — находилось в полной собственности общества. Это наглядно проявлялось в безраздельном господстве на этой фазе уравнительного или коммуналистического распределения продуктов питания, сущность которого заключалась в том, что каждый член коллектива имел право на долю созданного в нем продукта исключительно лишь в силу принадлежности к этому коллективу [18]. Общественный характер собственности на прочие средства потребления не был столь же наглядным, однако тщательный анализ показывает, что и их распределение носило коммуналистический характер [19].

Итак, на первой фазе первобытности все средства потребления создавались как общественная собственность. И естественным кажется, по аналогии с другими способами производства, вывести это из общественного характера собственности на средства производства. Именно так и поступали все советские исследователи первобытности. Однако анализ отношений по распределению орудий производства, взятых сами по себе, чаще всего приводил их к выводу, что подавляющее большинство этих средств находилось в собственности отдельных членов общества [20].

В результате все они обращались к собственности на землю. Земля и ее ресурсы, утверждали они, являются главным и основным средством производства. А это основное средство производства находилось в собственности коллектива в целом. И это обстоятельство с неизбежностью определяло общественный характер собственности на средства потребления. Общественная собственность на землю была основой первобытного коллективизма.

Однако мы не имеем здесь дела с подлинным объяснением. Как хорошо известно, собственниками земли и ее ресурсов были не только первобытные общины, но нередко также и крестьянские общины, особенно на ранних стадиях своего развития. Однако это ни в малейшей степени не мешало тому, что в любой крестьянской общине продукт создавался как обособленная собственность отдельных дворов, но не всей общины в целом. Таким образом, общественная собственность на землю, сама по себе взятая, не может породить и не порождает общественной собственности на продукт вообще, на средства потребления в частности. В основе общественной собственности на продукт в первобытном обществе лежит вовсе не собственность на средства производства, а нечто иное. И на эту основу в свое время указал еще К. Маркс.

Но прежде чем обратиться к соответствующему месту из работы великого мыслителя, необходимо сделать одно уточнение. Привычным в марксистской литературе является положение об общественном характере производства. При этом, однако, нередко не учитывают, что под

---

[18] Подробнее об этом см.: *Ю. И. Семенов.* Первобытная коммуна и соседская крестьянская община.— «Становление классов и государства». М., 1976; *его же.* Об изначальной форме первобытных производственных отношений.— «Сов. этнография», 1977, № 2.

[19] Там же.

[20] См., например: *В. Р. Кабо.* Каменные орудия австралийцев.— «Труды Ин-та этнографии АН СССР» (ТИЭ), т. 80, М.— Л., 1962, с. 74.; *А. И. Першиц.* Развитие форм собственности в первобытном обществе как основа периодизации его истории.— ТИЭ, т. 54, М.— Л., 1960, с. 159.

общественным характером производства можно подразумевать далеко не одно и то же. Прежде всего имеется в виду тот простой факт, что производство всегда происходит в обществе. В этом смысле производство повсеместно имело общественный характер. Далее, под общественным характером производства можно понимать наличие у него такой общественной формы, при которой весь продукт создается как собственность общества. Общественным в этом смысле является не всякое производство, а только первобытное и коммунистическое.

И наконец, еще один смысл вкладывается в это словосочетание, когда говорится о том, что характерным для капитализма является противоречие между общественным характером производства и частным способом присвоения. Здесь имеется в виду возникновение при капитализме особой структуры производительных сил, при которой их функционирование невозможно без непрерывной циркуляции средств производства в масштабах всего общества. При наличии данной структуры каждая вещь является продуктом труда не отдельного рабочего, а множества работников, занятых в различных отраслях производства. Процесс создания такой структуры производительных сил обычно характеризуется как обобществление производительных сил или просто производства. Именно это обобществление производительных сил делает возможным, а затем и необходимым переход средств производства в собственность общества. Последний процесс тоже нередко характеризуется как обобществление. Таким образом, если словосочетание «общественный характер производства» имеет три значения, то слово «обобществление»— два, связанных с двумя последними значениями словосочетания «общественный характер производства».

Теперь можно обратиться к К. Марксу. «Этот первобытный тип кооперативного или коллективного производства,— писал он, характеризуя первобытнообщинный способ производства,— был, разумеется, результатом слабости отдельной личности, а не обобществления средств производства» [21]. Что имел в виду К. Маркс, говоря об отсутствии обобществления средств производства в первобытном обществе? Отсутствие в нем общественной собственности на средства производства? Такое предположение находится в резком противоречии со всем содержанием «Набросков ответа на письмо В. И. Засулич», откуда приведена данная цитата. Здесь К. Маркс прямо говорит о наличии в первобытном обществе «общей собственности» [22]. Мысль К. Маркса можно понять, если учесть, что в «Набросках» он говорит не только о «первобытном типе» коллективного производства, но и о том новом его типе, который с неизбежностью придет на смену капитализму [23]. И ему важно подчеркнуть различие между объективными предпосылками той или другой форм коллективного производства. Появление новой формы коллективного производства было подготовлено происходящим в недрах капитализма обобществлением производства. Возникшая при капитализме структура производительных сил с необходимостью требовала появления общественной собственности на средства производства.

В первобытную эпоху производство не было обобществлено в том смысле, как оно было обобществлено при капитализме (и сответственно коммунизме): не существовало структуры производительных сил, которая требовала бы общественной собственности на средства производства. Коллективистический характер первобытного производства был обусловлен совсем иной причиной, чем коллективистический характер коммунистического производства. И эту причину К. Маркс видит в «слабости отдельной личности». Речь, разумеется, идет не о физической сла-

---

[21] *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 19, с. 404.
[22] Там же.
[23] Там же, с. 402.

бости, а о недостаточной вооруженности человека в борьбе с природой, иначе — в низком уровне развития производительных сил.

Современные материалы этнографии, полностью подтверждающие данное положение К. Маркса, позволяют его конкретизировать. Попытка такой конкретизации была предпринята мною в обсуждаемой статье (стр. 107—109). Не повторяя сказанного в ней, отмечу лишь, что низкий уровень развития производительных сил проявлял себя прежде всего в том, что весь созданный продукт был полностью или почти полностью жизнеобеспечивающим, избыточный продукт либо отсутствовал, либо был сравнительно мал. И в этих условиях единственным способом обеспечения существования людей было утверждение общественной собственности на все средства потребления и прежде всего пищу. Без распределения добытой пищи, причем совершенно независимо от того, была ли она добыта в одиночку или совместно, между всеми членами коллектива, причем независимо от того, принимали ли они участие в добыче пищи или не принимали, общество существовать не могло.

Вся суть орудий производства заключается в том, чтобы прямо или косвенно участвовать в создании средств потребления. И если все средства потребления создаются как общественная собственность, то это с неизбежностью означает, что и все орудия производства тоже являются собственностью общества. Таким образом, на первой фазе эволюции первобытного общества как средства потребления, так и средства производства находились в общественной собственности и создавались как общественная собственность. Но в отличие от других способов производства собственность на средства потребления в эту эпоху не определялась собственностью на средства производства. Характер собственности на средства потребления прямо, непосредственно определялся уровнем развития производительных сил, выражавшимся в объеме произведенного продукта. Производительные силы прямо, непосредственно детерминировали как общественный характер собственности на средства потребления, так и способ распределения этих, принадлежавших обществу, средств потребления между членами коллектива. И поэтому в первобытном обществе отношения собственности на средства потребления играли по меньшей мере столь же важную роль в системе первобытных производственных отношений, что и отношения собственности на средства производства.

И только в процессе дальнейшего развития, по мере становления классов, отношения по распределению средств производства обособляются и вклиниваются между производительными силами, с одной стороны, и отношениями распределения средств потребления — с другой. Теперь отношения собственности на средства потребления начинают определяться не производительными силами непосредственно, а отношениями собственности на средства производства, которые становятся главными, ведущими, определяющими.

Возвращаясь к статье Д. В. Гурьева, можно отметить, что критику содержащихся в ней положений можно было бы продолжить. Но в таком случае пришлось бы оставить без ответа другие отклики на мою статью. А хотя бы кратко задержаться на них необходимо.

Прежде всего рассмотрим замечания, содержащиеся в реплике И. И. Козодоева «О необходимом и прибавочном продукте в первобытной экономике»[24]. Автор настаивает на применимости понятий необходимого и прибавочного продукта в отношении первобытной экономики и возражает против предлагаемого в моей статье деления общественного продукта в первобытном обществе на жизнеобеспечивающий и прибавочный.

---

[24] «Сов. этнография», 1977, № 3.

Но всякий исследователь, поставивший целью доказать правомерность деления первобытного общественного продукта на необходимый и прибавочный, должен, разумеется, начать прежде всего с самого общего определения необходимого и прибавочного продукта. И дав это общее определение, он должен далее доказать, что это определение в равной степени пригодно в применении и к классовому, и к коммунистическому, и к первобытному обществу. Если такого общего определения дать нельзя, если, говоря о необходимом и прибавочном продукте в первобытном обществе, мы вкладываем в эти слова иной смысл, чем тот, когда говорим о необходимом и прибавочном продукте в других обществах, то мы имеем дело не с одними и теми же, а с разными понятиями, которые во избежание путаницы мы и должны обозначать разными терминами.

И. И. Козодоев в своей реплике никакого общего определения необходимого и прибавочного продукта не дает. И это, кстати, совершенно не случайно. Такого общего определения мы не найдем нигде в марксистской экономической литературе.

В отличие от двух упоминавшихся выше работ статья Н. А. Бутинова «О специфике производственных отношений общиннородовой формации»[25] носит конкретный характер. В ней предпринята попытка дать описание производственных отношений в обществе папуасов Новой Гвинеи. На мой взгляд, эта попытка не может быть признана вполне удачной. Вопреки намерениям автора, даже описания, не говоря уже об анализе, подлинной социально-экономической структуры папуасского общества в ней не дано.

Н. А. Бутинов ничего не говорит ни об отношениях распределения, ни об отношениях обмена, игравших в обществе папуасов немаловажную роль. В результате все сказанное им (а сказано очень немного) о собственности носит крайне абстрактный характер. По существу собственность как социально-экономическое, производственное отношение в статье отсутствует. Ничего не говорит автор и об имущественном неравенстве, которое имело место во многих папуасских общинах.

Как и в работе «Папуасы Новой Гвинеи» (М., 1968), большое внимание Н. А. Бутинов уделяет «совместному труду». Однако имеется и различие. В упомянутой выше книге Н. А. Бутинов, во-первых, под совместным трудом понимал любую совместную производственную деятельность людей, во-вторых, характеризовал эту деятельность как производственное отношение. В критическом разборе его монографии было показано, что кооперация труда есть не социально-экономическое, а организационное отношение, которое может сочетаться с разными производственными отношениями[26]. В настоящей статье Н. А. Бутинов, во-первых, не всякую совместную производственную деятельность соглашается признать «совместным трудом», во-вторых, нигде прямо не характеризует «совместный труд» как производственное отношение (стр. 51, 58).

Не имея возможности заняться детальным анализом положений, содержащихся в статье Н. А. Бутинова, остановимся лишь на одном моменте. Н. А. Бутинов большое внимание в статье уделяет родству, которое он разделяет на генеалогическое (семейное) и клановое. При этом изложение ведется им так, что у неискушенного читателя может возникнуть впечатление, что именно Н. А. Бутинов первый открыл существование родства, которое в принципе не является генеалогическим (стр. 55, 56). А между тем это совсем не так. Положение о существовании двух принципиально отличных видов родства — родства индиви-

---

[25] «Сов. этнография», 1977, № 3. Все дальнейшие ссылки на статью даются в тексте.

[26] «Сов. этнография», 1969, № 3, с. 164—166.

дуального и родства группового — давно уже достаточно четко сформулировано и достаточно убедительно обосновано в этнографической литературе [27].

Несостоятельна, на наш взгляд, попытка Н. А. Бутинова объяснить классификационную систему родства как результат «сочетания» кланового (группового) и семейного (индивидуального) родства. По существу он приходит к критикуемой им же самим теории «растяжения». Термины классификационного родства — это, по его мнению, термины семейного родства, но приобретшие, в силу существования наряду с семейным родством кланового, классификационное значение (стр. 57).

В основе этой концепции лежит мысль о том, что индивидуальный брак, малая семья и соответственно генеалогическое родство столь же древни, как род и групповое родство. В действительности же было время, когда ни индивидуального брака, ни малой семьи, ни индивидуального родства не существовало. Были лишь групповой брак и групповое родство. И классификационные системы родства возникли как отражение исключительно лишь группового родства. Об этом свидетельствуют все их особенности. Самые архаичные из классификационных систем родства вообще не знают отношений индивидов. Для них существуют отношения исключительно лишь групп людей.

ON CERTAIN THEORETICAL PROBLEMS CONCERNING THE ECONOMY OF PRIMITIVE SOCIETY

The fourth issue of the «Sovetskaya Etnografia» for 1976 contained Yu. I. Semenov's paper «On the specificity of relations of production (social-economic relations) in primitive society». This led to further discussion (see «Sovetskaya Etnografia» issues 1 and 3 for 1977).

In the present paper the author replies to his opponents and in doing so touches upon several problems of primitive economy. Specifically, he demonstrates that in primitive society relations arising out of the distribution of objects of consumption played a different role in the system of production relations from that they play in the system of socioeconomic relations in class society.

In class society the way in which objects of consumption are owned and the method by which they are distributed among individuals are totally determined by the nature of property in the means of production. In primitive society both the way objects of consumption were owned and the method of their distribution among individuals were directly determined by the level that had been reached in the development of the productive forces (expressed in the volume of the social product).

Hence interrelations between group members as to the distribution of consumer's goods were at least as important in the system of primitive production relations as those concerning the distribution of means of production.

---

[27] Материалы и литературу по этому вопросу см.: *Ю. И. Семенов.* Происхождение брака и семьи. М., 1974, с. 34—43, 160—170.